

СЕТЕВОЙ ПОДХОД: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.А. Шенцева

Новосибирский государственный
технический университет

metaphysica7@yandex.ru

Настоящая статья посвящена аналитике двух аспектов, существенных для позиционирования сетевого подхода в качестве философского, т. е. подхода, претендующего на новые мировоззренческие и эпистемологические перспективы. Мировоззренческий аспект будет рассматриваться сквозь призму сопоставления феноменов «сеть» и «общение» и того, как меняется концепция человека, эпистемологический аспект – посредством анализа статуса сетевой теории, а также понятия «сеть» в качестве метода теоретического конструирования.

Ключевые слова: человек, сеть, сетевой подход, сетевая теория.

Для современной гуманитарной мысли характерны глубокие парадигмальные сдвиги, обуславливающие активный поиск новых концептуальных построений и подходов, способных объяснить процессы, происходящие в стремительно изменяющемся обществе.

Новая социальная реальность все чаще получает теоретическое оформление в концепциях сетевого общества, или общества сетевых структур. Большинство российских исследований по данной проблематике получили импульс от работы М. Кастельса¹, где сетевой характер общества рассматривается сквозь призму информационно-технологических прорывов современности. Несмотря на обилие научных публикаций, в которых анализируется проблематика сетевого общества, наиболее значительным, на наш взгляд, остается исследование А.В. Назар-

чука², в котором автор выходит на уровень философского осмысления. Согласимся с ученым (отдавая должное труду М. Кастельса), который отмечает выраженную социологическую направленность «Информационной эпохи», что «достаточно для маркировки новых рубежей, но едва ли является достаточным для глубины происходящих трансформаций, для возведения эпохи “переоценки ценностей”»³.

Как представляется, серьезный аналитический вклад в дальнейшую разработку данной проблематики вносит коллективная монография «Общество сетевых структур»⁴, которая представляет опыт социально-философского осмысления сетевых структур общества и рассматривает значительный диапазон вопросов: от

² Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление / А.В. Назарчук // Вопр. философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.

³ Там же. – С. 65.

⁴ Общество сетевых структур: монография / под общ. ред. М.В. Ромма, И.А. Вальдмана. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 327 с.

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php

нормативно-интерпретативного конструирования теоретических образов сетевых структур до аналитики сетевых структур в сферах социально-экономических отношений, миграционных процессов, в пространстве языка и культуры, а также в области художественной практики.

В центре сетевой проблематики в целом находятся преимущественно социальные структуры общества. Исследований, посвященных теоретическому осмыслению сетевых концепций, понятий *сеть*, *сетевая теория*, *сетевой подход*, *сетевая методология* и т. д. и их функционирования в системе современного научного знания значительно меньше, из чего следует в том числе неопределенность статуса многих понятий.

Как показывает анализ, различны взгляды авторов на генезис сетевого подхода. Одни исследователи видят истоки в достижениях в области естественно-научных дисциплин, и прежде всего в исследованиях чилийских ученых, авторов теории аутопоэтических систем (аутопоэза) У. Матураны, Ф. Варелы, Р. Урибе.

Следующая группа ученых усматривает причины зарождения сетевого подхода в информационном характере изменений в современном обществе, по большей части с апелляцией к изменениям структуры социального пространства в связи с Глобальной сетью Internet. Фиксируется внимание на формировании новой структуры мира, принципиально нового стиля мышления (М. Кастельс, И.Е. Москалев, А.В. Назарчук, Р. Роуз, М. Фасслер). Несмотря на многообразие взглядов, распространенными становятся представления о возникновении специфической системы коммуникации, в связи с этим уместно привести определение А.В. Назарчука:

«сеть – система, характеризующая процесс коммуникации»⁵.

Для третьей группы исследователей характерно видение укорененности феномена сети в сути человеческого бытия. Именно в этом смысле понятие *сеть* коррелирует с общением. В качестве аргумента приведем несколько высказываний. Так, М. Кастельс в прологе «Сеть и “Я”» (к труду «Информационная эпоха») пишет о том, что «изолированное Я оказывается потерянным для себя»⁶. Р. Коллинз выстраивает сетевую схему на основе информации о тесных личных связях между наиболее значительными философами, которые в процессе интенсивного, заряженного значительной эмоциональной энергией общения «транслируют прежний культурный капитал и превращают его в новую культуру»⁷. Автор «Социологии философий» утверждает, что «идеи обнаруживаются в процессе общения», при этом «мыслители не предшествуют общению, но сам коммуникативный процесс создает мыслителей в качестве своих узлов»⁸. У В.В. Крюкова «общение предшествует формированию человеческой личности, первично по отношению к ней»⁹. Согласно взглядам теоретиков аутопоэза, человек как «аутопоэтическая сеть» обуславливается сетью своих взаимодействий¹⁰. Заметим, что

⁵ Назарчук А.В. Указ. соч. – С. 67.

⁶ Кастельс М. Указ. соч.

⁷ Коллинз Р. Социология философии: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – С. 33.

⁸ Там же. – С. 45.

⁹ Крюков В.В. Общение как континуум существования личности / В.В. Крюков // Идеи и идеалы. – Т. 1. – 2. – Новосибирск, 2009. – № 2 (2). – С. 40.

¹⁰ Варела Ф., Матурана У., Урибе Р. Аутопоэз как способ организации живых систем; его характеристика и моделирование. URL: <http://autorpoiesis.narod.ru/papers/Maturana002.doc>

высказывания принадлежат ученым, в основу теорий которых положены различные методологические предпосылки, что может свидетельствовать о зарождении единого смыслового пространства, несмотря на известную разницу в терминологии.

Подобное видение позволяет сделать небезосновательный вывод о том, что сетевая проблематика в целом, и феномен сети в частности, органично впитывают идею Другого, концептуальную для гуманитарной мысли современности. При этом акцентируется особое внимание на процессе общения. Однако и в XIX веке Ф. Ницше подчеркивал, что «сознание вообще развивалось только под давлением потребности в общении». И далее – «сознание есть, по существу, лишь коммутатор между человеком и человеком»¹¹. Эта мысль с определенной долей условности может быть принята как концептуальная для зарождения если не собственно Сети, но ее некоего прообраза. Как следствие, существенно меняется концепция человека – если в традиции классической европейской философии он характеризуется неким сущностным ядром, то современная мысль видит человека или сквозь призму его предельных проявлений¹², или через обусловленность теми или иными сетевыми структурами.

Согласно взглядам теоретиков аутопоэза, атрибутивным свойством аутопоэтической системы является способность вступать в сетевые взаимодействия и, что, пожалуй, самое существенное, лишь в те, которые специфицированы ее собственной организацией. При этом каждое новое со-

¹¹ Ницше Ф. Веселая наука. – М., 1999. – С. 329.

¹² Хоружий С.С. Человек и три его дальних удела. Новая антропология на базе древнего опыта / С.С. Хоружий // Вопр. философии. – 2003. – № 1. – С. 38–62.

стояние человека как аутопоэтической системы, точнее переход на новый уровень самопроизводства, требует соблюдения особых условий. Полагаем, что под особыми условиями (в самом общем виде) можно понимать некоторое в высшей степени сознательное усилие человека, направленное на преодоление эмпирической заданности бытия; в противном случае – упрощение смысловых структур, «вымывание» ряда элементов, конституирующих смысловую сферу вплоть до разрыва сколько-нибудь существенных взаимосвязей даже на эмпирическом уровне, говоря языком У. Матураны – разрушение аутопоэтической системы. Таким образом, идея аутопоэза, перенесенная в область философского дискурса, заключается в возможности, но не гарантированности самоосуществления человека, самоосуществления, подчеркнем, по определению как самоорганизующейся и автономной системы.

Обратим внимание на то, какие значительные перспективы для философского осмысления содержит утверждение теоретиков аутопоэза о том, что «при рассмотрении самопроизводства ... основной акцент перемещается от аспекта управления к аспекту *автономности* (курс. авт.)»¹³. Указанная оппозиция приобретает особую актуальность, в том числе в связи с характерной для сетевой проблематики проблемой «управления неопределенностью»¹⁴.

Ф. Варела противопоставляет автономность управлению извне, т. е. контролю, при этом автономность и контроль находятся в состоянии «непрерывного танца», иначе говоря, взаимодействие обоих простирается в широких пределах. Представ-

¹³ Варела Ф. Автономность и аутопоэз. URL: <http://autopoiesis.narod.ru/papers/Var001.doc>

¹⁴ Кастельс М. – Указ. соч.

ляется необходимым обозначить существенное значение вывода о парадигмальных различиях взаимодействия с контролируемой и автономной системами. В первом случае преобладает инструкция, «а нежелательные следствия этого – ошибки», во втором случае главным является общение, а трудность в понимании – как нежелательное следствие¹⁵.

Оставляя за скобками ряд важных для теории аутопоэза моментов, мы не можем оставить вне поля внимания так называемый тезис закрытости, один из ключевых и, на наш взгляд, сложных в теории аутопоэза. Несмотря на острую полемику по данному вопросу (Е.Я. Режабек, А.В. Кезин, С.А. Цоколов), комментарии Ф. Варелы представляются вполне убедительными.

Из определения ученого следует, что аутопоэтическая система, во-первых, определяется собственной организацией, во-вторых, последняя есть сеть взаимодействий и, в-третьих, именно сеть взаимодействий специфицирует систему как уникальную, отличную, обособленную от фона. Таким образом, возникает эффект организационной замкнутости (закрытости) как единственная форма, при которой аутопоэтическая система может вступать в различные взаимодействия без потери «собственной идентичности», к тому же специфицируя область всех возможных для себя взаимодействий и отношений, подобное видение, на наш взгляд, обнаруживает значительную интенцию к переосмыслению устоявшихся представлений, в том числе и для философского дискурса в целом.

Возникает вопрос, возможно ли управлять процессом конструирования сети взаимодействий человека как аутопоэтической, следовательно, автономной системы.

Ответ будто бы очевиден. Однако вынуждены признать, что в случае с человеком не всегда приходится говорить в терминах автономии, и терминологический парадокс – человек как аутопоэтическая система не обладает автономностью как своим атрибутивным свойством, снимается в выводе о том, что чем сложнее организм (по сравнению, например с живой клеткой, которая, впрочем, отличается фантастической сложностью), тем менее можно говорить об автономии как а priori заданной. Итак, нас охватывает сомнение относительно правомерности утверждения человеческой автономии, автономии человеческого мышления. В данный момент мы имеем в виду не только обусловленность человека сетью взаимодействий, сколько вопрос о том, насколько автономия действительно имеет место. Не происходит ли некоторая метаморфоза феномена автономности и не управляется ли человек созданными и вновь создаваемыми культурными смыслами, определяющими его образ жизни, мышление, поступки. Понимая, что сущность автономии, столь значимой для объяснения человека и социокультурных изменений, ускользает от нас, выскажем предположение, что в сетевом дискурсе данное понятие приобретает новое звучание, и автономия, даже в предельном случае, не есть изолированное бытие, следовательно, человек как «аутопоэтическая сеть» воспринимает лишь те аспекты (элементы) управления, которые не способны разрушить сложную амбивалентную связь автономности и зависимости, автономности как «глобальной связности». Управление, по-видимому, будет являться воздействием извне, которое воспринимается человеком лишь в той степени, в которой он может изменяться, сохраняя свою автономию в новом (сетевом) смысле.

¹⁵ Варела Ф. Указ. соч.

Отдадим должное теоретикам аутопоэза, которые, интуитивно осознавая невозможность исчерпывающего объяснения человека сетью «специфицирующих» его взаимодействий, использовали термин «аутопоэзис». И.Е. Москалев отмечает не случайность выбора именно греческого слова, а не, например, английского *selfproduction*, поскольку оно (греческое слово), обладая спектром собственных значений, придает термину дополнительные смысловые коннотации¹⁶. На наш взгляд, понятие аутопоэзиса, обладая глубокими смысловыми коннотациями, сочетает в себе понятийную точность и некоторые элементы, ускользающие от понятийного схватывания, тем не менее присутствующие в нем.

Объем статьи не предполагает исчерпывающего анализа мировоззренческого аспекта сетевого подхода, однако не представляется возможным обойти вниманием тезис, получивший экспериментальное обоснование у авторов концепции аутопоэза и выведенный впоследствии У. Матураной на уровень теоретического обобщения. Речь идет о способности человека к выбору, способности, которую теоретики аутопоэза относят к атрибутивным свойствам человека как аутопоэтической системы. Вывод о том, что «неизбежной задачей человека ... оказывается осознанный выбор системы отсчета для конструирования своей системы ценностей»¹⁷, вряд ли нуждается в подробных комментариях.

Очевидно, что *сеть* начинает осмысляться и как способ бытия и сознания человека

¹⁶ Москалев И.Е. Концепция аутопоэзиса в современном научном познании: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / И.Е. Москалев. – М.: 2002. – С.13.

¹⁷ Матурана У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 140.

(группы людей, общества, мира), и как самопорождение человека, в том числе на ментальном и духовном уровнях. Отметим как парадокс, что использование данного понятия в качестве метода характерно для исследований вне связи с информационно-технологическими процессами. И напротив, *сеть* как метод остается преимущественно вне исследовательского внимания авторов, объясняющих сетевые эффекты информационно-технологическим характером изменений, и понятие *сеть* используется по большей части применительно к изучению социальной структуры общества, за исключением, возможно, М. Кастельса. Ученый не только детально анализирует возникновение и бытие социальных сетей в экономике и культуре, но и в известной степени намечает путь к использованию эпистемологического потенциала понятия *сеть* в качестве сетевой логики, необходимой ввиду возрастающей сложности взаимодействий.

Как отмечалось в начале статьи, требуется прояснение ряда понятий и их статуса в философском дискурсе, в том числе понятия *сетевая теория*. Закономерно обращение к выводам специалиста в области сетевой проблематики Р. Хойслинга, поскольку именно в его исследованиях позиционируется сетевая теория как теория нового типа и содержится обоснование ее научного статуса. Показательно, что немецкий теоретик, усматривающий эвристические возможности сетевой теории как «метатеории», в том числе за счет своей простоты и абстрактности, открыто цитирует своих оппонентов, для которых сетевая теория – «не слишком удачная эвристика»¹⁸.

¹⁸ Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории. – М.: Логос-Альтера, 2003. – С. 38.

Главный аргумент ученого в пользу сетевой теории как «метатеории» сводится к тому, что «она концептуально разрешает то, что содержательно описывает». При этом сетевая теория «может сопрягаться со множеством других теорий», которые «служат своего рода модулями, между которыми возникает или существует сеть теоретических сопряжений»¹⁹. Автор уточняет, что сетевая теория, предлагая абстрактные образцы, свою «спецификацию» приобретает лишь непосредственно на конкретных исследованиях²⁰.

Очевидно, что сетевая теория может быть определена в качестве таковой по двум формальным признакам: 1) если предметом исследования становится некая сетевая структура; 2) если сама теория выстраивается по принципу сетевого взаимодействия (т. е. ряд необходимых, по мнению Р. Хойслинга, теорий, концепций некоторым образом синхронизируются для построения нового теоретического здания).

Возникает вопрос – чем сетевая теория отличается от теории, имеющей определенную теоретико-методологическую базу, т. е. от теории, в которой более или менее обоснованно и логично в зависимости от методологической культуры исследователя используются необходимые теоретические и методологические предпосылки, также сопрягаемые, синхронизируемые в те или иные положения, выводы и т. д. Что есть главный признак сетевой теории, позволяющий говорить о ее новизне, специфицирующей ее суть?

В первом случае определение теории как сетевой представляется в строгом смысле не совсем точным, поскольку некоторая сетевая структура может исследовать-

ся в рамках той или иной теории, подхода, парадигмы. Речь может идти об использовании эвристического потенциала сетевого подхода, тех или иных его положений. В таком случае основным лейтмотивом становится предположение о том, что анализ объекта через сеть его (реальных и потенциально возможных) взаимодействий намечает путь к выработке нового знания.

Р. Хойслинг акцентирует внимание на необходимости возникновения новой теории («метатеории») ввиду появления процессов, которые невозможно описать средствами частных теорий. Однако данный аргумент вполне применим к появлению любой новой теории, которая и конструируется с целью объяснения, интерпретации неких новых феноменов. Более того, продолжим мысль: суть многих современных феноменов такова, что они и не могут быть исследованы сколько-нибудь удовлетворительно в строгих рамках не только одной теории, но и одной научной дисциплины.

В исследовании «Аура как социальный феномен» Р. Хойслинг выстраивает сетевую структуру, позволяющую анализировать не только ее элементы, но показать взаимосвязь между ними. Однако это вполне соответствует сложившимся представлениям сетевого подхода о том, что не вещи (*res* в традиционном философском смысле), но отношения между ними представляют особый интерес для современных исследователей. Собственно же теория (согласно уточнению автора, «эскиз теории») построена по классическому типу и имеет в качестве своих оснований идеи, теории и концепции искусства, получившие глубокую разработку в философской и гуманитарной мысли. Приведем лишь один пример: главный вывод теории о возможности возникновения ауры

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. – С. 39.

произведения искусства в совершенно секуляризованной форме, но в форме социального феномена, вполне сопоставим с выводом Л.С. Выготского относительно катарсиса, который в 1923 году писал, что «очень наивно понимать социальное только как коллективное, как наличие множества людей. Социальное и там, где только один человек и его личные переживания. И поэтому действие искусства, когда оно совершает катарсис и вовлекает в этот очистительный огонь самые интимные, самые жизненно важные потрясения личной души, есть действие социальное»²¹.

Анализируя принцип конструирования теории ауры и отмечая ее значимость для социально-философского анализа, мы тем не менее не обнаруживаем в ней сколь-нибудь нового в смысле принципа построения. Не есть ли сетевая теория в таком случае путь к эклектике, а в худшем варианте – к методологической некомпетентности и непоследовательности. Наш вывод (возможно, достаточно дискуссионный) сводится к тому, что о сетевой теории с определенной долей условности можно говорить лишь в первом случае; определение теории как сетевой лишь фиксирует метод построения объекта исследования. Постулировать же появление теории, построенной по новому типу, как полагаем, пока не совсем правомерно.

Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что «теории следует исправлять и перелицовывать, исходя из предметов исследования, а не наоборот»²². Скажем иначе. Возникает необходимость не только в новой теории, но необходим новый тип теоретизирования. Неединственность интер-

претаций, ускользание ряда феноменов от понятийного схватывания, чувство неполноты анализа²³ порождают эпистемологическую ситуацию, когда теория в классическом понимании уступает место эссеистскому типу теоретизирования, результатом которого становится некий «мыслеобраз» (термин М.Н. Эпштейна). В связи с этим символическим представляется обращение к понятию *образ* в философских и научных исследованиях. Так, если в монографии М.В. Ромма он появляется будто вскользь²⁴, то в исследовании Т.А. Ромм²⁵ уже получает развернутую многогранную разработку понятие «теоретический образ», необходимость обращения к которому сопряжена «с осознанием того факта, что современное гуманитарное знание ... до сих пор не обладает (и, по-видимому, никогда не будет обладать в будущем) абсолютной теоретической универсальностью, непогрешимостью и тотальностью»²⁶.

Высказывая сомнение относительно претензии Р. Хойслинга на создание теории нового типа, вместе с тем отметим, что методологически продуктивным представляется позиционирование сети в качестве метода теоретического описания, предложенное автором в упоминавшейся выше

²³ В свое время один из создателей интерпретативной модели культуры К. Гирц писал о том, что культурологический анализ «вопиюще неполон. И, хуже того, чем он глубже, тем более неполон» // Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. – Т. 1. – Интепретация культуры. – СПб., 1997. – С. 197.

²⁴ Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2002. – С. 173.

²⁵ Ромм Т.А. Социальное воспитание: эволюция теоретических образов. – Новосибирск: Наука; Изд-во НГТУ. – 2007. – 380 с.

²⁶ Там же. – С. 82.

²¹ Выготский Л.С. Психология искусства. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – С. 316.

²² Хойслинг Р. Указ. соч. – С. 41.

работе «Аура как социальный феномен». Следуя тезису о существенной гибкости при определении элементов сети, составными частями которой «абстрактно говоря – являются узлы и отношения»²⁷, автор выстраивает сетевую структуру, элементами которой являются *художественный проект искусства, реципиент искусства, контекст искусства* как пространство, где ожидается взаимодействие, называемое произведением искусства, а также *отношения* как тип активности реципиента. Используя термин «произведение искусства» в кавычках для характеристики способов употребления, отличных от представленной им самим точки зрения, автор указывает на неуместность термина в его традиционном понимании, так как «произведение искусства» для Р. Хойслинга не есть некоторый предмет, «который лежит где-нибудь на чердаке», поэтому правильнее вести речь о социальном взаимодействии между реципиентом искусства и художественным проектом²⁸. Последний понимается как «сплав инкорпорированных... интенций художника с содержащимися в нем формообразующими средствами»²⁹. Произведением искусства (без кавычек) оно становится «в рамках процесса обнаружения», в процессе так называемой «рецепции» искусства³⁰. Подобное «радикальное переосмысление» традиционной структуры сети позволило автору доказать взаимное конституирование и взаимообусловленность *художественного проекта, реципиента и контекста искусства*.

Выскажем предположение, что использование понятия *сеть*, приближенное к ее видимой, наглядно представимой ячеистой

структуре, лишает его известной абстракции. Вероятно, можно вести речь об использовании понятия *сеть* не только применительно к социальной структуре общества, но о сети как сетевой логике, которая и обнаруживает свою необходимость при «структурировании неструктурируемого», как отмечает М. Кастельс³¹. Таким образом, данное понятие может интерпретироваться как минимум двумя способами: в первом случае речь может идти о ячеистой, («клонированной», согласно уточнению А.В. Назарчука) повторяющейся структуре, разумеется, с достаточно большой степенью относительности, когда речь идет о человеке. Во втором – *сеть* выступает обозначением некой новой логики осмысления предельно сложных явлений и процессов, происходящих в современном мире. Эпистемологический потенциал понятия *сеть*, его предельная простота и значительный объем в целом и в самом широком смысле позволяют рассматривать тот или иной фрагмент реальности через сеть его взаимодействий – как реальных, так и потенциально возможных, а также через сеть не случившихся взаимодействий. При этом объект изучения может выступать и в качестве элемента сетевого взаимодействия. Данный ракурс дает возможность сопоставления и поиска взаимосвязей, казалось бы, неожиданных и отдаленных друг от друга явлений и процессов, что, в свою очередь, может расширить знание об уже известном, объяснить ранее не доказанные интуитивные предположения и научные гипотезы. Итак, мы приходим к выводу о том, что понятие *сеть* может служить нетривиальным методом теоретического описания. Еще раз отметим перспективы позиционирования сети, предложенные Р. Хойслингом. Выстраивая

²⁷ Хойслинг Р. Указ. соч. – С. 36.

²⁸ Там же. – С. 44.

²⁹ Там же. – С. 60.

³⁰ Там же. – С. 44.

³¹ Кастельс М. Указ. соч.

структуру, элементы которой не рядоположены, говоря иначе, не однотипны, как это традиционно принято, автор делает акцент на взаимодействии элементов, результатом которого становится «взаимное конституирование». Очевидно, что возникающие при этом «отношения» (используем этот термин исходя из традиционной структуры сети – «узел» и «отношения») также не могут быть однотипными: однотипных отношений не может быть ни в жизни людей, ни в жизни идей, следовательно, возможно и необходимо в «отношении» обозначить некую существенную компоненту. Если следовать предложенной логике, то в случае, при котором конститутивный (или какой-то иной) характер отношений не очевиден, то сетевая структура принимает характер гипотезы.

Проведенный анализ позволил обозначить следующую тенденцию – *сеть* начинает осмысляться и как способ бытия и сознания человека, и как метод теоретического описания того или иного фрагмента социокультурной реальности. В таком случае особенностью использования метода сетевого конструирования является то, что сетевая структура выполняет функцию теоретической схемы, создающейся не за счет абстрагирования свойств и отношений реальной практики, а посредством конструирования на основе оперирования идеальнотипическими объектами.

Мы отдаем себе отчет в том, что позиционирование сети в качестве философского понятия требует длительной и глубокой теоретической рефлексии, что может быть задачей последующих исследований³². Од-

³² Подобная попытка была осуществлена в статье «Понятие сеть как объект философского осмысления» / Е.А. Шенцева // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – СПб., 2011. – Т. 2. – № 2 – С. 147–156.

нако отметим вслед за Р. Коллинзом, что «все философские сообщества начинают с конкретных слов в их обыденных значениях. В архаичном Китае *дао* имело лишь конкретный смысл дороги или пути ..., у греков ... *logos* было общепринятым греческим словом со множеством значений»³³.

Таким образом, мы попытались обозначить взаимосвязь мировоззренческих и эпистемологических аспектов сетевого подхода: первый (рассмотренный посредством сопоставления феноменов *сеть* и *общение*) заключается в укорененности сетевой проблематики в сути человеческого бытия, второй – в возможности продуктивного использования понятия *сеть* в качестве метода теоретического описания, актуализировавшегося в эпоху информационно-технологических достижений современности. Проведенный анализ показывает правомерность позиционирования сетевого подхода как философского, т. е. претендующего на новые перспективы и вместе с тем обнаруживающего органичную связь с философским опытом прошлого.

Литература

Варела Ф. Автономность и аутопоэз [Электронный ресурс]. URL: [http:// autopoiesis.narod.ru/papers/Var001.doc](http://autopoiesis.narod.ru/papers/Var001.doc)

Варела Ф., Матурана У., Урибе Р. Аутопоэз как способ организации живых систем; его характеристика и моделирование [Электронный ресурс]. URL: [http:// autopoiesis.narod.ru/papers/Maturana002.doc](http://autopoiesis.narod.ru/papers/Maturana002.doc)

Выготский А.С. Психология искусства / А.С. Выготский. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 480 с.

Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры / К. Гирц // Антология исследований культуры

³³ Коллинз Р. Указ. соч. – С. 56.

ры. – Т. 1. – Интерпретация культуры. – СПб., 1997. – С. 171–202.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс]. URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php

Коллинз Р. Социология философии: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.

Крюков В.В. Общение как континуум существования личности // Идеи и идеалы. – Т. 1–2. – Новосибирск, 2009. – № 2 (2). – С. 40–45.

Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 95–142.

Москалев И.Е. Концепция автопознания в современном научном познании: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / И.Е. Москалев. – М., 2002. – 24 с.

Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление / А.В. Назарчук // Вопр. философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.

Ницше Ф. Веселая наука / Ф. Ницше. – М.: ЭКСМО-пресс, 1999. – 576 с.

Общество сетевых структур: монография / под общ. ред. М.В. Ромма, И.А. Вальдмана. – Новосибирск: Изд. НГТУ, 2011. – 327 с.

Резабек Е.Я. Современная философия языка: несогласованность методологических оснований [Электронный ресурс]. URL: <http://base.spbric.org/f/viewtopic.php?id=13>

Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект / М.В. Ромм. – Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма РАН, 2002. – 275 с.

Ромм Т.А. Социальное воспитание: эволюция теоретических образцов. – Новосибирск: Наука; Изд-во НГТУ. – 2007. – 380 с.

Факслер М. Действительность компьютеризованных сетей // Философско-антропологические исследования. – Курск, 2006. – С. 253–261.

Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории / Р. Хойслинг. – М.: Логос-Альтера, 2003. – 192 с.

Хоружий С.С. Человек и три его дальних удела. Новая антропология на базе древнего опыта / С.С. Хоружий // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 38–62.

Шенцева Е.А. Понятие «сеть» как объект философского осмысления // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – СПб., 2011. – Т. 2. – № 2 – С. 147–156.